

Российские разночинцы и европейская политическая мысль

Опираясь на отечественный исторический опыт, правительство Александра II имело основания опасаться двух последствий освобождения крестьян, или, другими словами, крестьянской реформы. Власть ожидала всеобщего крестьянского бунта (как только крестьяне поймут, что их перевели на «государев оброк», а деньги им взять неоткуда) и дворянского заговора (землевладельцы, лишённые административного суверенитета над замкнутыми помещичьими мирками, наверняка будут крайне недовольны). Но скоро стало ясно: ни крестьянского бунта, ни дворянского переворота не произошло. Вместо крестьян и дворян-помещиков в России «взбунтовалась» прослойка разночинной интеллигенции.

Проблема разночинцев в России.

Всмотримся в исторические корни этой проблемы. Система дворянского поместного землевладения, сложившаяся ещё в XV-XVII вв., не оставалась неизменной. В конце концов, владение поместьями стало наследственным. Наследуемые поместья постоянно дробились. Наряду с крупными земельными магнатами, возник значительный по численности слой мелкопоместных и беспоместных дворян, как правило, недовольных жизнью (и правительством). А новых земель с крестьянами государь этим маломощным дворянам пожаловать не мог – в европейской части страны свободные земли просто отсутствовали.

Указ Петра I о *майорате* (единонаследии) на время снял эту проблему – по петровскому указу имение доставалось старшему сыну, остальные должны были служить «регулярному государству», прежде всего, в армии. Также служили, и дослуживались до

лично или даже наследуемого дворянства, и выходцы из других сословий – за счет этих выходцев из других сословий количество дворян при Петре выросло десятикратно.

Но после «вольностей», жалованных дворянам Петром III и Екатериной II (суть вольностей: теперь дворянин не обязан был служить – ни офицером, ни чиновником) явные преимущества в дворянско-помещичьем сословии получили дворяне-обладатели крупных имений.

А дети многочисленных «личных дворян» (дворянское достоинство которых не наследовалось), хотя и воспитанные как аристократы, самым ходом вещей отрывались от своей, дворянской, социальной среды. Рост числа таких «отверженных» дворян означал вместе с тем открытие каналов для получения образования детьми из простонародья (например, многочисленные учителя из дворянских «маргиналов» обучали «черную кость» грамоте).

Образованные люди из «низов» из податных сословий выбирались, но в аристократию, понятно, не попадали. Вхождение в другие сферы деятельности оказывалось для этих людей ограниченным. Внутренний рынок России был слаб, экспортная торговля давала низкую прибыль; в этих условиях выигрывали только крупные земельные магнаты. А выходцы из «низов» лишь в порядке исключения могли стать купцами и попасть в верхушку («элиту») общества. Эта социально «некомфортная» группа растет и к середине XIX в. становится уже вполне заметной.

Подобных «полудворян» (людей, как правило, образованных, не принадлежащих к податным сословиям, но не имеющих ни поместья, ни должности, ни чина) называли *разночинцами*. Допускалось, что разночинцы, эта сравнительно немногочисленная, но весьма активная, беспокойная и амбициозная группа российского общества, в ходе «Великих реформ» найдут себе место в эшелонах государственного управления или местного самоуправления, или в новых общественных структурах. Но с «трудоустройства» разночинцев возникли проблемы. Реформы (особенно реформа образования) резко увеличили численность этой группы. Быстро возрастал дефицит «рабочих мест» для разночинцев.

Информация к размышлению. Среди «политических преступников» 1860-х гг. около 70% составляли дети дворян и чиновников, 61% – учащиеся, студенты и недавние выпускники университетов. Более 1,5 тыс. революционеров, арестованных царской полицией в 1873-1879 гг., распределялись по социальному происхождению следующим образом: дворяне – 28,2%, духовенство – 16,6%, дети солдат и унтер-офицеров – 13,4%; дети крестьян – 13,5%.

Почти 90% народников составляли люди в возрасте до 30 лет. В Исполнительном комитете «Народной Воли» (154 чел.) 38% составляли выходцы из дворян, 10% – из духовенства, 7% – из купеческого сословия. Две трети проходивших по политическим делам профессиональных революционеров учились в вузах, но половина была исключена по причине «нехватки средств» или «противозаконной деятельности».

Таким образом, проблема жизненного «трудоустройства» разночинцев Российской империи в период «Великих реформ» не была решена и даже, напротив — обострилась.

Европейская идеология: три направления.

Ряд западных революций, из которых наиболее мощной явилась Великая французская революция 1789-1794 гг. укоренил сначала в Европе, а затем и в остальном мире два важных представления. Во-первых, постоянные управляемые и направляемые политические изменения были признаны *нормой*. Во-вторых, европейцы стали считать, очевидным что «суверенитет» (источник власти в обществе) принадлежит «гражданам». Суверенитет, считало теперь большинство в Европе, принадлежит народу, а не государю или «благородному сословию». И ответственными за перемены признавались теперь не короли и цари, а народы. И «гражданами» в пределе признавался весь народ, и уже в

первой трети XIX в. именно «простонародье», а не аристократию стало принято рассматривать в качестве носителя моральных норм.

Представление о постоянных управляемых кем-то политических изменениях предполагает, что в обществе идет непрерывная борьба между его отдельными слоями за влияние на управление изменениями. В результате широкого распространения этих новых представлений появились долговременные стратегии поведения социальных групп на политическом поле – *«идеологии»*.

Спор между европейцами велся теперь не о том, нужны ли в принципе политические перемены, а, скорее, о том, кто будет принимать решение о необходимости перемен, кого возьмут (или не возьмут) в «граждане».

Английская «Славная революция» конца XVII в., в результате которой утвердился британский парламентаризм, породила идею *политического консерватизма (торизма)*. Сторонники торизма признали, что *суверенитетом* (правом принятия решений о политических изменениях) обладает не только монарх, но и парламент (палата лордов плюс палата общин).

Однако только якобинский террор во Франции (1793-1794 гг.) и последующее крушение революционного порядка породили *консерватизм* как окончательно сформировавшееся общеевропейское явление.

Родоначальники консерватизма (англичанин Эдмунд Бёрк, француз Жозеф де Местр и др.) доказывали, что любые изменения старых порядков и старых учреждений принесут больше бедствий, чем все существующие недостатки этих порядков и учреждений. С консервативной точки зрения, человеческая природа неизменна, большинство людей Консерваторы убеждены: решать судьбы страны и выработать маршруты ее движения по плечу только элите, которая поколениями получала соответствующие навыки, заседа в традиционных общественных учреждениях (светских и религиозных). Вообще, консерваторы уповают на порядок и *иерархию* (систему подчиненностей и соподчиненностей в обществе) – во все времена, считают консерваторы, только порядок и иерархия противостоят распаду и хаосу.

Объективно консервативная идеология соответствовала интересам прежних влиятельных слоев тогдашнего общества – интересам аристократии, духовенства, сельской богатой верхушки.

Геополитическим выражением консерватизма стал *Священный союз*, образованный Россией, Пруссией и Австрией после поражения Наполеона и направленный на реставрацию в Европе прежних учреждений (монархии, церкви), сильно расшатанных революцией и наполеоновскими войнами. В России локальным вариантом проявления общеевропейского консерватизма являлся режим Николая I, идеология которого выражалась в триединстве «православие-самодержавие-народность».

Течением, конкурирующим с консерватизмом, в Европе и Америке вскоре стал *либерализм* (француз Антуан Дестют де Траси, американец Бенджамин Франклин и др.). Прежний порядок (жесткие общественные перегородки, наследуемость статуса) либералы считали несправедливым и неэффективным. В противовес принципу наследственных иерархий (сословий) либералы исходили из принципа «равных возможностей» для всех достойных, независимо от их происхождения. С либеральной точки зрения, гражданами считались лишь те, кто имел собственность (собственность дает ответственность) и образование (культура дает представление о том, какие именно реформы нужны). При этом предполагалось, что постепенно гражданами станут все члены общества. Но – постепенно.

Социальный состав либералов, постепенно превращавшихся в главных политических представителей интересов состоятельных людей (прежде всего, крупных собственников), первоначально был довольно пестрым. К либералам примыкали все те, кто считал, что возглавлять общественные перемены ни в коем случае не должны представители прежних

правлящих классов. Так, почти до середины XIX в. на европейском идеологическом поле конкурировала только эта пара политических стратегий – консерваторы и либералы.

В 1848 г. во многих странах Европы вспыхнули революции, в ходе которых обнаружилось, что возникла и существует еще и третья сила, имевшая свое представление о смысле политических изменений и о том, кто, на самом деле, должен возглавлять движения за перемены. Появились *радикалы*.

Социальный состав радикалов, этих новых возмутителей спокойствия, не был однородным: во Франции и в германских государствах радикально настроены были промышленные наемные работники («пролетариат»), в Австро-Венгрии – венгерские дворяне-националисты. Но везде речь шла о решительном протесте тех общественных групп, которые ощущали себя пораженными в правах – те, кого не пускали в «граждане».

Именно общеевропейская революция 1848 г., хотя и быстро подавленная, выявила это третье идеологическое направление – *радикализм*. Радикалы могли называть себя демократами, националистами, «левыми» или социалистами. Но в любом случае они считали недопустимым, чтобы вопрос о назревших политических изменениях решался прежними элитами. Не только консерваторов, но и либералов представители радикализма подозревали в том, что те желают тянуть с реформами до бесконечности, а либералы, например, просто другими методами, чем консерваторы, стараются сохранить существующий порядок.

Если судьбу общества будут решать только состоятельные (богатые) и образованные, рассуждали радикалы, то очередь всех остальных не придет никогда. Немедленное наделение правами (прежде всего – избирательными) всех бесправных групп общества (промышленных рабочих, женщин, этнических групп) стало целью радикалов. А возможными средствами на пути к народовластию – немедленный захват политической власти, разрушение общества до состояния *ассоциации* (добровольного объединения) самодостаточных коммун, дискредитация частной собственности культурно-символическими средствами.

Три тактики радикализма: спонтанное восстание, революционный терроризм, пропаганда и просвещение. Эти способы действий, разработанные представителями европейского радикализма в середине XIX в., российским радикалами были освоены немногим позже – в 1860-1880-х гг.

Исторически неизбежный период распада сословного общества везде характеризуется нарастающей тягой к поиску «братства во Христе», обретению будто бы «утерянной» когда-то «коммуны». Сторонники новой коммуны находили и предлагали «реальное дело» – организацию братской жизни – для тех, кто при существовавшем тогда порядке вещей оставался невостребованным. Европейские, а впоследствии и российские радикалы поднимались вверх из прежних угнетенных слоёв общества; они становились как бы «новыми образованными».

Представления о грядущем *социализме* или даже *коммунизме* (исчезновение в обществе каких-либо навязанных иерархий, только «горизонтальные» – «*братские*» связи между людьми) находили отклик у образованной радикальной молодежи как в России, так и на Западе. Имелись и отличия.

Русское народничество: особенности.

Особенностью русского народничества была не только социальная, но и национальная направленность. Народники разделяли уверенность европейских радикалов в том, что социализм есть будущее человечества. Но русские народники полагали, что Россия стоит к социализму ближе, чем вся остальная Европа. В крестьянской *передельческой общине* (а в крестьянских общинах как раз и состояло большинство населения России) русские идеалисты-народники видели островок будущего коммунизма.. Это крестьянское общинное большинство воспринималось народниками как носитель подлинной нравственности, за которым они видели историческое будущее.

По другую сторону крестьян-общинников, как представляли русские радикалы, находился узкий слой правящей группы, который-то и сдерживал торжество общинного коммунизма (правящие слои = «паразиты коммуны»).

Кроме крестьян-общинников и противостоящей им власти, радикалы выделяли еще особую группу – саму разночинную интеллигенцию. Эта группа вышла из народа («Вышли мы все из народа...»), – пелось в революционной песне), но теперь уже не чувствует своей непосредственной принадлежности к народу. В то же время разночинная интеллигенция не считает морально возможным и исторически перспективным присоединиться к «паразитам коммуны». Свою жизненную задачу народники понимали следующим образом. Необходимо возглавить борьбу народа с правящей верхушкой за установление общинного коммунизма.

Одна из сторон народничества как идеологии – нарушение пропорций: недооценка силы правящей верхушки и переоценка силы «коммунистической» мотивации крестьян. Исторической иллюзией было народническое представление, что за крестьян – сам «ход вещей», что крестьяне – прирожденные социалисты. Неверным оказалось и убеждение радикалов в том, что правящая верхушка, маленькая и морально порочная, рухнет от первого проявления народного гнева и протеста.

Эти ошибки привели революционеров-народников к ошибочному политическому поведению: сначала, в первые два года после Манифеста об освобождении крестьян – пассивное ожидание социального взрыва и подготовка народного бунта «воззваниями». Потом попытка «открыть глаза народу» на его «историческую миссию», т.е. спровоцировать простонародье на борьбу и возглавить эту борьбу; и одновременно – хаотичные попытки террора (для запугивания, блокирования активности правящей верхушки).

«Хождение в народ» 1874-1875 гг. привело к усложнению народнической картины мира. После провала «хождения в народ» одни из народников выбрали всепоглощающую террористическую борьбу («Народная воля»), другие – теоретические поиски, направленные на выработку более адекватного мировоззрения («Черный передел», группа «Освобождение труда», либеральное народничество).

Революционный терроризм разрабатывался в Европе *анархистами* (сторонниками упразднения государства), движения которых проявились особенно сильно в Италии, Испании, Франции; террористические методы предпочитали и националисты-сепаратисты в рамках тогдашних империй: в Ирландии (Британская империя), в Боснии (Австро-Венгерская империя).

Но именно действия русских народовольцев стали наиболее ярким проявлением этой террористической тактики. При этом русские радикалы тесно взаимодействовали с радикалами западными. За границей существовали целые диаспоры русской революционной интеллигенции. Когда в 1864 г. возникла интернациональная марксистская организация («Первый Интернационал»), славянская (русская) его секция отличалась наибольшим радикализмом требований, по сути, как правило, анархистских.

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ разночинцы
- ✓ майорат
- ✓ личное дворянство
- ✓ разночинцы
- ✓ народники
- ✓ передельческая община

- ✓ анархизм

Дайте определения

- ✓ суверенитет
- ✓ идеология
- ✓ либерализм
- ✓ консерватизм
- ✓ радикализм

Подготовьте сообщения

- ✓ «Хождение в народ»
- ✓ Организация «Народная воля»

Выберите тему микро эссе

- ✓ Моя критика либерализма (консерватизма, радикализма)
- ✓ Мое оправдание народнического идеализма.